

УДК 330.8
ББК 65.02

Ю.В. Латов

*Академия управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация*

МАЯТНИКОВАЯ ДОЛГОСРОЧНАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. Развитие экономической теории предлагается рассматривать как циклический процесс. На протяжении последних трех столетий наблюдается конкуренция этатистской и либеральной мета-парадигм, которые в маятниковом ритме сменяли друг друга. Дана краткая характеристика трех циклов развития экономической науки. Сравнение этих циклов показывает тенденцию к сближению мета-парадигм и позволяет гипотетически определить типичную длительность цикла (70–80 лет).

Ключевые слова: история экономических учений, этатизм, дирижизм, либерализм, научные революции.

Yu. V. Latov

*Academy of Management of the Ministry
of the Interior of Russia,
Moscow, Russian Federation*

PENDULUM LONG-TERM DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF ECONOMIC THEORY

Abstract. The development of the economic theory is proposed to regard as a cyclical process. During the last three centuries the competition of etatist and liberal meta-paradigms which alternated one another in the pendulum rhythm was observed. A brief description of the three cycles of development economics is given. The comparison of these cycles shows the tendency towards convergence of meta-paradigm and allows to define a hypothetical typical cycle (70–80 years).

Keywords: history of economic thought, etatism, dirigisme, liberalism, scientific revolutions.

Автор данной статьи ранее уже высказывал некоторые соображения [3] о том, что изменения доминирующих парадигм в экономической науке связаны не столько с революционными открытиями в самой экономической науке, сколько с качественными изменениями «правил игры» в обществе — в частности, со сменой лидерства в капиталистической мир-системе. В данной статье предлагается обратить внимание на другую характеристику того социокультурного контекста [2, с. 16], который очень существенно влияет на развитие экономической мысли (как и других общественных наук), — на изменение более общих идеологических доктрин.

Историю экономической теории от меркантилистов до наших дней принято изучать и излагать, прежде всего, как последовательное и/или параллельное развитие научных школ. Это развитие рассматривается как линейно-прогрессивное: новые теории продолжают и углубляют то, что было «незрело» намечено в предшествующих теориях. Тем самым история экономической теории строится по явной аналогии с формационными теориями развития общества в целом.

Однако обществоведы хорошо знают, что формационно-ступенчатая интерпретация развития общества — отнюдь не единственно возможная. Наряду с ней существует цивилизационно-циклическая интерпретация (как, например, у П. Сорокина), в соответствии с которой общество развивается по спирали, многократно повторяя в видоизмененном виде определенные последовательности фаз «правил игры». Эта идея, насколько известно автору данной статьи, пока не применяется к анализу глобального развития экономической мысли, хотя она и позволила бы лучше понять «правила смены правил».

Чтобы использовать циклический подход к истории экономических теорий, необходимо дополнить понятийный аппарат ее анализа.

В настоящее время историю экономической мысли рассматривают как последовательность школ, каждая из которых объединяет многих выдающихся экономистов-теоретиков со сходными взглядами, образующими целостный комплекс логически взаимосвязанных теорий. Самой высшей единицей «квантования» экономических теорий считаются экономические парадигмы — совокупность научных школ, объединенных наиболее общими принципами анализа (тем, что называют «ядром» научной парадигмы). На протяжении всей истории экономической науки было менее десятка таких «больших» парадигм.

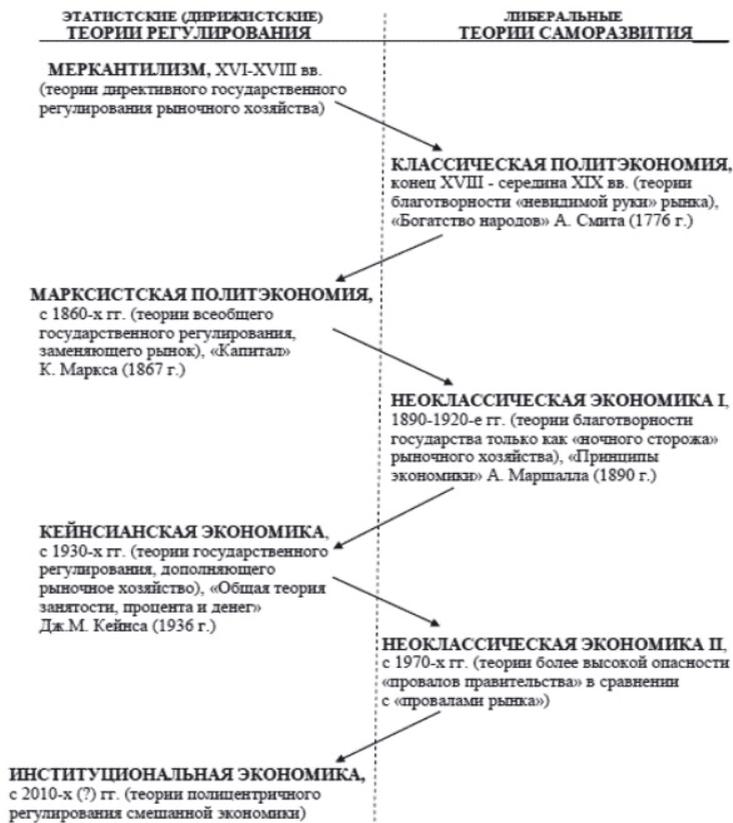
Автор предлагает дополнить традиционную номенклатуру экономических теорий (*отдельная теория — научная школа — научная парадигма*¹) единицей наивысшего порядка, экономической *мета-парадигмой*. Выделение этой номенклатурной единицы позволяет осмысливать развитие экономической теории (науки) как конкуренцию двух мета-парадигм, которые в маятниковом ритме (т.е. циклично) сменяли друг друга на протяжении последних трех столетий. Такая интерпретация является развитием интересного наблюдения Блауга: «Поистине иногда кажется, будто экономика продвигалась вперед, влекомая чувством симметрии, которое требует, чтобы каждая новая теория всегда была точной противоположностью старой» [1, с. 4–5].

Все научные парадигмы, анализирующие рыночное хозяйство, можно сгруппировать (рис.) в две мета-парадигмы:

– *этатистские (дирижистские) теории регулирования*, согласно которым для оптимизации хозяйственной жизни необходимо ее сознательно централизованно регулировать;

¹ Примером может быть современная институциональная парадигма, включающая школу (направление) теории общественного выбора, внутри которой развиваются теории политических бизнес-циклов.

– либеральные теории саморазвития, согласно которым необходимо «предоставить делам идти своим ходом», поскольку «невидимая рука рынка» вполне способна оптимизировать экономику, а сознательное регулирование будет «невидимой руке» только мешать.

Маятникковая модель развития экономической науки в XVI-XXI вв.

Таким образом, критерием выделения этих двух мета-парадигм экономической теории является анти-теза «регулирование – саморазвитие» или, что почти то же самое, «искусственное – естественное». В позднесоветскую эпоху данная антитеза обсуждалась в

форме противопоставления «плана» и «рынка». Эта антитеза описывает альтернативные идеологические приоритеты в отношении одной из наиболее общих базовых культурных ценностей. Данную антитезу можно с некоторой долей условности назвать «основным вопросом экономики»: «Что лучше — следовать спонтанно сложившемуся порядку вещей или сознательно переделывать его?». Априорные культурно-обусловленные приоритеты экономистов, стремящихся принимать существующий хозяйственный мир или, наоборот, переделывать его, становятся основой более частных экономических концепций, объясняющих конкретные экономические явления.

Развитие общества приводит экономистов к отрицанию отрицания, когда во время очередной научной революции их доминирующие ценностные приоритеты в отношении дилеммы «регулирования — саморазвития» качественно меняются. Конечно, всегда есть сильные мыслители, которые идут «против течения» (как, например, Ф. фон Хайек в период доминирования кейнсианских идей), однако большинство все же следует интеллектуальной моде. Смена приоритетов происходит циклически: на смену предпочтению регулирования приходит предпочтение спонтанного развития, чтобы затем снова смениться предпочтением регулирования. На протяжении XVI–XXI вв. наблюдались три цикла этого чередования.

Первый цикл: от меркантилизма к марксизму (с XVI в. до последней трети XIX в.).

Именно этот цикл в советскую эпоху рассматривался как эпоха «по настоящему» научного развития зарубежной экономической теории, поскольку практически всех зарубежных экономистов «после Маркса» было принято считать либо вульгаризаторами, либо ревизионистами. Главное содержание этого периода, согласно нашей схеме, можно интерпретировать как параллельное становление в экономической науке

«капиталистической ментальности» и «антикапиталистической ментальности» (в терминах Л. фон Мизеса).

Парадоксально, но то, что Мизес назвал бы «антикапиталистической ментальностью», предшествовало собственно «капиталистической ментальности». Ведь как известно, развитие экономической науки в собственном смысле слова начинается в Западной Европе с трактатов меркантилистов XVI–XVII вв. (Ж. Боден, Т. Ман и др.), обосновывающих необходимость директивного государственного регулирования отдельных сфер рыночного хозяйства, связанных с внешнеэкономическими отношениями. Либеральным «ответом» на этот этатистский «вызов» стала классическая политэкономия рубежа XVIII–XIX вв. (А. Смит, Д. Рикардо, Дж.С. Милль). Именно в этот период распространяется идеологема *Laissez faire laissez passer* — «предоставьте (людям) делать свои дела, предоставьте (делам) идти своим ходом»: выдвинутая еще в середине XVIII в. французским физиократом Ж.К. Гурнэ, она стала через несколько десятилетий главным «слоганом» английской политической экономии. Примерно на полвека идеи классической политэкономии завоевали господствующее положение в экономической науке.

Однако этатизм возродился в середине XIX в. в социалистической идеологии (прежде всего — в марксистской политической экономии), которая призывала к государственному регулированию уже не отдельных сфер, а всей национальной экономики. Речь шла о таком госрегулировании, которое целенаправленно ликвидировало стихийность/спонтанность рыночного хозяйства и тем самым — рыночное хозяйство как таковое. На развитие экономической науки сильнее всего повлияли идеи К. Маркса, однако на общественные умонастроения вряд ли меньше влияли и другие разновидности социалистических идей — например, идеи тех, кого марксисты называли «социалистами-утопистами» (А. Сен-Симона, Ш. Фурье и др.), со-

циал-демократические идеи Л. фон Штейна и Ф. Лассаля. Хотя даже марксизм не смог войти в основное течение мировой экономической науки, социалистическая идеология оказала сильное влияние на практику государственного регулирования. В частности, в конце XIX в. в европейских странах под давлением социалистического движения начинает формироваться система социальной защиты.

Второй цикл: от марксизма к кейнсианству (последняя треть XIX в. — вторая треть XX в.).

В последней трети XIX в. параллельно шло разнонаправленное развитие академической либеральной неоклассики и «государственного социализма» в хозяйственной практике. Симптоматично, что 1890 г. является одновременно годом публикации «Принципов экономики» А. Маршалла и принятия в США закона Шермана, положившего начало не только антитрестовскому законодательству, но и государственному регулированию конкуренции в целом. Экономисты-неоклассики отрицательно относились к усилению централизованного регулирования, однако в сравнении с экономистами-классиками в их позиции заметно определенное смягчение. Происходит сдвиг от принципиального неприятия государственного регулирования (доктрины невмешательства) к более сдержанным представлениям о государстве как о «ночном стороже». Хотя выражение «государство — ночной сторож рынка» восходит еще к Адаму Смиту, но второе рождение этот «слоган» получил благодаря Лассалю, считавшему его удачным выражением функций государства в экономике второй половины XIX в.

Апогеем популярности либеральных социально-экономических идей стал период «просперити» 1920-х гг. После ликвидации институтов «военного государственно-монополистического капитализма» и явного провала советского «военного коммунизма» на короткий период возникла иллюзия неоспоримых

преимуществ свободного рынка над государственным регулированием.

1930-е гг. справедливо воспринимались современниками если не концом рыночной экономики, то началом ее конца. Совпадение во времени Великой депрессии в развитых капиталистических странах и Великого перелома в СССР привело к резкой девальвации неоклассических идей. Формирование практик сильного госрегулирования («Новый курс» в США, фашизм в Германии) и идей кейнсианства произошло настолько синхронно, что историки-экономисты до сих пор спорят, кто на кого повлиял сильнее (в частности, Ф.Д. Рузвельт на Дж. М. Кейнса или наоборот). Трудно говорить без оговорок о «марксистской революции» в политической экономике XIX в., но феномен «кейнсианской революции» в экономиксе XX в. совершенно неоспорим.

Третий цикл: от кейнсианства к институционализму (вторая треть XX в. — первая треть XXI в.).

В 1930–1970-е гг. либеральная экономическая мысль уступила роль мейнстрима этатистам-кейнсианцам. Если в предыдущие полвека на Западе наблюдалось существенное противоречие между академическими идеями неоклассической экономической теории и тенденцией к усилению госрегулирования, то в этот период этатистская политика опиралась на этатистскую же теорию. Не случайно именно в этот период большую популярность получила концепция конвергенции двух систем: западные модели смешанной экономики объективно сближались с институтами советской командной экономики. Эту тенденцию к конвергенции чувствовали и в СССР, где кейнсианские идеи хотя и критиковали, но умеренно, как «меньшее зло» (в сравнении с либеральной неоклассикой). Людвиг фон Мизес справедливо указывал в «Антикапиталистической ментальности» (1956 г.), что рост критического отношения к рыночному хозяйству опирается

не столько на собственно научные открытия, сколько на изменения культурных ценностей западных интеллектуалов [4], но его до поры мало кто хотел слушать. До тех пор, пока в этих ценностях не произошел очередной поворот.

1970-е гг. положили конец конвергенции — неоклассика смогла восстановить свою роль как мейнстрима. Новая неоклассика хотя и резко критиковала «провалы» государственного регулирования, однако уже не отрицала принципиальную необходимость последнего. Главный пафос неоклассиков последней трети XX в. заключался в ограничении госрегулирования, но отнюдь не в его прекращении. Буквальная и всеобъемлющая трактовка лозунга «предоставьте делам идти своим ходом» осталась в прошлом. «Неоклассическая контрреволюция» 1970–1980-х гг., в отличие от неоклассики рубежа XIX–XX вв., смогла вызвать перелом в практиках государственного регулирования. На Западе влияние идей «Дороги к рабству» привело к тэтчеризму и рейганомике, в КНР — к курсу Дэн Сяопина, в СССР — к «гайдарэкономике» начала 1990-х гг. «Вашингтонский консенсус» 1989 г. являлся своеобразным манифестом временной победы либеральной идеологии в мировом масштабе.

Либеральные экономические реформы в экс-социалистических странах стали апогеем успеха неоклассики и одновременно началом ее очередного кризиса. Проблема заключалась в том, что если в Восточной Европе эти реформы оказались в основном успешными, то в самых крупных экс-социалистических странах — в КНР и в России — они дали осечку. «Китайское экономическое чудо» скорее противоречило «Вашингтонскому консенсусу», чем подтверждало его, поскольку китайская модель больше соответствовала кейнсианской идеологии, чем неоклассической. В постсоветской России неоклассические идеи долгое время не встречали сильной оппозиции; однако курс Б.Н. Ельцина

закончился провалом, а курс В.В. Путина с самого начала был направлен на усиление централизованного управления. Самое главное, в России наблюдалось своеобразное «анти-чудо»: при наличии хороших предпосылок для социально-экономической модернизации эта модернизация очень быстро «увязла», свелась к эксплуатации природных ресурсов. К началу 2010-х гг. слово «либерал» вообще стало восприниматься в России как оскорбление, началась откровенная ностальгия по «потерянному советскому раю» и по «великому менеджеру Сталину». Этот провал либеральных идей в Китае и, особенно, в России стал сильным ударом по репутации либеральной неоклассики во всем мире как очередного «единственно верного учения», которое считается верным, только пока оно «всесильно».

В настоящее время главным противником неоклассики выступает институционализм. Современный институционализм представляет собой пеструю палитру теорий и направлений, большинство из которых трудно однозначно отнести как к этатизму, так и к либерализму. Институционалисты, с одной стороны, остро критикуют «административные барьеры», но, с другой стороны, признают необходимость сознательного и централизованного конструирования лучших «правил игры». В рамках институционализма происходит качественное изменение дискурса регулирования экономики, поскольку, например, в качестве акторов этого регулирования рассматриваются уже и внесударственные субъекты (профсоюзы, бизнес-группы, НКО и др.). Процесс «перехвата» институционализмом у неоклассики роли академического мейнстрима и идеологии политических решений в настоящее время не завершен, поэтому третий цикл мета-парадигмального развития экономической теории тоже пока не закончен.

Если попытаться теперь сформулировать общие закономерности развития экономической науки в рам-

ках предложенной схемы маятниковых (циклических) колебаний, то можно отметить следующие тенденции.

Во-первых, сравнение трех циклов показывает тенденцию к сближению противоположных позиций. В частности, на каждом новом витке развития либеральных идей смягчалась их антагонистичность по отношению к этатистским идеям: от резкой критики А. Смитом государственного вмешательства в экономику — к идее «государства как ночного сторожа» А. Маршалла и к принципам ограниченности государственного регулирования современных неоклассиков. Зеркальная тенденция заметна в эволюции этатистских экономических идей: «если Маркс подходил к капитализму как могильщик, то Кейнс — как врач», а позицию современных институционалистов можно уподобить роли пропагандистов здорового образа жизни, стремящихся предупредить визит пациента к врачу.

Во-вторых, легко заметить, что наблюдаются циклы двух очень разных видов. Первый цикл длился примерно 300 лет, второй — примерно 70, третий — предположительно 80. Вероятно, основной причиной циклическости экономических идей является цикл в 70–80 лет, связанный с «длинными волнами конъюнктуры» Н.Д. Кондратьева. Начальный очень длинный цикл от меркантилизма до марксизма связан с генезисом экономической науки (2/3 цикла приходится на доминирование меркантилистских идей, которые считаются «предысторией» экономической теории) и не типичен для развития «взрослой» науки.

Если экстраполировать отмеченные тенденции на будущее, то можно сделать два прогноза. С одной стороны, в ближайшие десятилетия следует ожидать сначала усиления влияния идей дирижизма (сознательно-целенаправленного регулирования социально-экономической жизни), после чего произойдет очередной ренессанс либеральных идей. С другой стороны, тен-

денция к сближению дирижизма и либерализма может завершиться их фактическим слиянием и тем самым прекращением развития экономической теории в форме чередования этих двух мета-парадигм. Однако такой «конец истории» маловероятен — по крайней мере, в ближайшие полвека.

Предлагаемый подход к осмыслению длительных тенденций развития экономической науки заставляет задуматься о правомерности применения «деидеологизированных принципов периодизации направлений и этапов эволюции экономической мысли» [5, с. 21]. Возможно ли принципиально отказываться от анализа идеологических компонентов экономических теорий, если в истории экономической науки ясно видны три цикла смены идеологических мета-парадигм? Конечно, возможно — господствующий подход к осмыслению истории экономической науки именно это и делает. Однако при таком подходе теряется важное измерение развития экономической науки как общественного института. Нельзя не согласиться с М. Блаугом, что «если комментатор стремится объяснить, почему определенные люди придерживались определенных идей в определенное время, в поисках полного ответа он должен выглянуть за рамки области интеллектуальных споров» [1, с. 7] и обратить внимание на *Zeitgeist* — идеологический дух эпохи.

Список использованной литературы

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе : пер. с англ. / М. Блауг. — 4-е изд. — М. : Дело Лтд, 1994. — 720 с.
2. Гловели Г. Д. История экономических учений: учеб. пособие для бакалавров / Г. Д. Гловели. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Изд-во Юрайт; ИД Юрайт, 2013. — 777 с.
3. Латов Ю. В. История экономических учений как отражение конкуренции национальных экономических систем в ядре мир-экономики // *Terra economicus*. — 2007. — Т. 5, № 3. — С. 43–57.
4. Мизес Л. фон. Антикапиталистическая ментальность / Л. фон Мизес // Бюрократия. Запланированный хаос. Анти-

капиталистическая ментальность ; пер. с англ. — М. : Дело, 1993. — С. 169–231.

5. Ядгаров Я. С. История экономических учений / Я. С. Ядгаров. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2009. — 479 с.

Информация об авторе

Латов Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научный центр, Академия управления МВД России, 125171 г. Москва ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, e-mail: latov@mail.ru.

Author

Latov Yury Valerievich — D.Sc. in Sociology, Ph.D. in Economics, Associate Professor, Leading staff scientist, The Centre of Science, Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia, 8, Z. and A. Kosmodemyanskikh st., Moscow, 125171, e-mail: latov@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Латов Ю. В. Маятниковая долгосрочная динамика развития экономической теории / Ю. В. Латов // Историко-экономические исследования. — 2014. — Т. 15, № 2. — С. 270–282.

Reference to article

Latov Yu. V. Pendulum long-term dynamics of development of economic theory. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2014, vol. 15, no. 2, pp. 270–282.